

Лу Цзыяо принял этот взгляд за доказательство того, что Лу Цянь всё ещё привязан к нему. В детстве, когда Его Высочество шалил и оказывался в невыгодном положении, он точно так же беспомощно смотрел на Лу Цзыяо. Лу Цзыяо должен был сделать хоть что-то ради этой долгожданной привязанности. И пусть он не мог вместо пухлого малыша продемонстрировать си-фэй виртуозное искусство владения мечом, он всё же развернулся и пошёл на призывающий взгляд мальчика.

Лу Цянь уже не занимал оборонительную, отстранённую позу, как в предыдущие два дня. Когда Лу Цзыяо поспешно подошёл, мальчик поднял руку, схватил его за протянутую ладонь и, наклонившись к самому уху, прошептал:

— Используй то скрытое оружие. Куда я укажу мечом, туда и бей.

Оказывается, он хотел при помощи скрытого оружия одурачить си-фэй.

Лу Цзыяо кивнул, крепче сжал в руке изящную медную трубочку и направился в ту сторону, где укрылась си-фэй.

Пройдя полпути, он оглянулся на Лу Цяня и заметил, что тот повернулся вслед за ним и с беспомощным видом провожает его взглядом.

Лу Цзыяо не устоял перед этим беспомощным взглядом, повернулся назад, подошёл к пухлому малышу и, погладив его по голове, успокоил:

— Не бойся. Раньше ваше искусство владения мечом тоже было неплохим, так что госпожа ничего не заметит.

Увидев, что тот вернулся, Лу Цянь снова склонился к уху маленького компаньона и напомнил:

— Издали ты не попадёшь. Стой прямо у меня за спиной.

Лу Цзыяо: «...»

И то правда: нужно было сразу всё рассчитать — и расстояние, и направление. Это всё из-за мятежного мальчишки, который два дня холодничал, а сегодня вдруг сменил гнев на милость, сбив его с толку.

Так что Лу Цзыяо отступил к самой стене, уставившись примерно в десятке шагов от Лу Цяня.

— Неужели так далеко достаточно? Нас случайно не заденет? — с воодушевлением спросил шестой.

Лу Цзыяо кивнул:

— Его Высочество сказал, что сдержит энергию меча.

— Тогда мы тоже поглядим отсюда, — пятый развернулся и сообщил си-фэй радостную весть о том, что Седьмой собирается сдержать силу.

Си-фэй поспешно вернулась назад, и трое мальчиков заслонили её своими спинами.

Лу Цянь взялся за рукоять меча, простёртого слугой, и с некоторой леностью медленно извлёк клинок из ножен.

— Отлично! Отлично! — заядлый балабол, пятый брат, тут же усердно зааплодировал, выражая поддержку!

— Великолепно! — хотя душевный Лу Сяо и не понял, что особенного в том, как Седьмой обнажил меч, но раз пятый брат хвалит, значит, так оно и есть.

«???» — си-фэй с полнейшим недоумением на лице тоже похлопала в ладоши вслед за братьями.

Лу Цянь ленивым движением описал мечом красивую дугу.

— Смотрите внимательно, матушка-наложница, — он указал мечом на барельеф с узором жуи, расположенный на дворцовой стене прямо напротив него.

— Вижу, вижу! — си-фэй с нетерпением замерла.

Лу Цянь выполнил несколько фехтовальных связок и, заметив краем глаза, что всё внимание матушки-наложницы приковано к нему, тут же метнул острый взгляд на маленького компаньона, подавая знак.

Лу Цзыяо подхватил сигнал, едва заметно кивнул и незаметно наставил дуло медной трубки на барельеф, который только что указал Его Высочество, готовясь создать иллюзию, будто барельеф разбит энергией меча.

Едва кончик меча Лу Цяня устремился к барельефу, Лу Цзыяо спустил курок и выстрелил каменным снарядом — сработано было изумительно слаженно.

Вот только барельеф, на который указывал Его Высочество, остался цел и невредим, а от «энергии меча» растрескался совсем другой барельеф, находившийся в трёх вершках от нужного...

Лу Цзыяо промахнулся!

Атмосфера сделалась непередаваемо неловкой.

Лу Цянь всё ещё застыл в величественной позе, устремив меч к небесам. Замявшись лишь на миг, он внезапно крутанулся, завершил выпад, убрал меч в ножны и с загадочным, глубокомысленным видом объявил матушке-наложнице:

— Этот приём владения мечом называется «заманить на восток, ударить на западе».

Промахнувшийся Лу Цзыяо тут же вышел вперёд, чтобы загладить оплошность, и принялся хвастаться перед си-фэй:

— Это невероятно мощный приём! Противник думает, что атака направлена в другую сторону, теряет бдительность, а энергия меча в этот момент уже поражает его прямо в жизненно важное место!

— Гениально! — шестой брат без малейших колебаний поддержал эти выкрутасы Лу Цзыяо!

— Поистине, не виделись три дня — и нужно смотреть уже совсем иными глазами, — пятый, похоже, и впрямь повелся на эту уловку.

— А я уж подумала, что ты промахнулся, — честно пробормотала си-фэй. — А почему ты не

показал мне тот барельеф, по которому собирался ударить?

— Если бы Его Высочество так сделал, разве вы смогли бы ощутить всю поразительность этого приёма? — Лу Цзыяо подошёл и обнял Лу Цяня, после чего обратился к си-фэй: — Чтобы госпожа всё чётко разглядела, Его Высочеству пришлось выбрать приём с меньшей разрушительной силой. И если бы в нём не было ничего ошеломляющего, как бы госпожа заметила тот невероятный прогресс, которого Его Высочество добился за этот год с лишним?!

Си-фэй с недоверием посмотрела на сына.

Лу Цянь тут же сжал губы в загадочной улыбке и кивнул, подтверждая слова маленького компаньона.

— Ну ладно, — сказала си-фэй. — В следующий раз выберем другое место. Я сяду на башне городской стены и посмотрю, на что ты способен на самом деле.

Лу Цянь отвёл взгляд и неохотно пробормотал себе под нос:

— Угу... В следующий раз, обязательно в следующий раз...

Лу Цзыяо с улыбкой поддакнул:

— В следующий раз, да-да...

Все прекрасно понимали, что этот «следующий раз» наступит не скоро, если вообще наступит.

Пока присутствовала си-фэй, Лу Цянь не смел при всех требовать, чтобы они остались наедине.

Лу Цзыяо зацепился за этот шанс, чтобы задержаться в Южном дворце Самсо: ему хотелось побыть рядом с Лу Цянем хотя бы на лишнее мгновение.

Си-фэй, разумеется, тоже заметила, что сын стал куда более замкнутым, чем прежде. Он будто вернулся в давние детские годы, когда Лу Цзыяо ещё не появился в его жизни.

Как мать, не искушённая в познаниях современной психологии, си-фэй вовсе не собиралась чутко и постепенно докапываться до переживаний сына — она прямо и сурово потребовала от него объяснений, почему он в последнее время избегает всех подряд.

Лу Цянь ответил, что ни от кого не прячется.

Си-фэй на это возразила: даже его старший брат пришёл к ней с просьбой разузнать, что происходит. Почему сын избегает встреч даже со своим старшим братом и маленьким компаньоном, с которым прежде был ближе всех?

В действительности же одна из причин заключалась в том, что наследная принцесса заговорила с Лу Цянем о вступлении на престол согласно посмертному указу.

По этому поводу у них возникли разногласия.

Лу Цянь считал, что назначенная в указе кандидатура временного наследника имела силу лишь на случай исчезновения старшего брата. А раз старший брат живой и здоровый находится во дворце, нет никаких оснований требовать, чтобы он сам восходил на императорский престол.

Наследная принцесса же, ссылаясь на напутственные слова покойного императора перед смертью, утверждала, что именно в Седьмом отец видел истинный правительственный талант. К тому же из-за совершённых ошибок семья Тун получила шанс устроить смуту, и в итоге именно Седьмой подавил бунт, снискав всеобщее восхищение при дворе и во всей стране, так что его восшествие на престол вызовет наименьшее количество возражений.

Скитавшийся на чужбине больше года Лу Цянь никак не ожидал, что после подавления внутренней смуты старший брат попытается переложить эту обузу на его плечи.

Услышав этот рассказ Лу Цяня, си-фэй, пятый и шестой были глубоко поражены: никто не думал, что даже после падения семьи Тун наследный принц всё ещё будет отказываться вступить на престол.

Да и принуждать Седьмого унаследовать трон, по мнению си-фэй, пятого и шестого, казалось полнейшей глупостью. Во что превратится государство, если Императором станет Лу Цянь? Будет восседать на утренних аудиенциях с кувшином молока в руках, попивать его и слушать доклады сановников?

К тому же этот мальчишка Седьмой жутко ненавидел сложности: если не успеет прочесть все доклады, запросто притворится мёртвым! За каких-то полгода накопившиеся государственные дела можно будет десять раз обернуть вокруг императорского дворца!

Лу Цзыяо, впрочем, не был настроен так пессимистично: в конце концов, он лично видел мудрое и решительное правление князя Нина в его прошлой жизни. И нынешний пухлый малыш каким-то нестираемым образом уже унаследовал статность и хватку князя Нина. Даже если он действительно станет Императором, до разорения страны дело не дойдёт.

Но хоть так и говорилось, Лу Цзыяо вовсе не хотел, чтобы его пухляш становился Императором.

Чтобы быть хорошим Императором, невозможно избежать тяжёлого труда.

Если бы наследного принца не удалось спасти, пухлому малышу пришлось бы сцекать зубы и занять его место. Но сейчас-то наследный принц жив-здоров и полон сил! С какой стати его пухлый малыш должен надрываться?

Словом, всё семейство пухляша, включая его «старика-отца» Лу Цзыяо, относилось к императорскому престолу с таким отвращением, какого, пожалуй, ещё не видал свет.

Поэтому покончив с обедом, Лу Цзыяо попрощался со своим воспитанником и решительно направился выговаривать всё наследной принцессе.

Этот трон нельзя скидывать на его малыша! Раз ты старший брат, будь любезен вести себя как старший брат и сам бери на себя ответственность!

Наследная принцесса в эти дни тоже уже успела усомниться в правильности своей жизни.

Борьба за власть с группировкой за спиной третьего брата тянулась больше года.

И вот, приспешники третьего брата наконец повержены.

Принцесса хотела, чтобы седьмой брат унаследовал трон в согласии с волей покойного отца-императора, но седьмой брат выражал недовольство и напрочь отказывался встречаться.

Ладно бы это, так ещё и второй брат, временно занимающий престол, совершенно утратил чувство опасности: теперь он изо дня в день донимает принцессу требованиями принять власть, чтобы самому удалиться в уединённую обитель постигать Дао, заявляя, что и так слишком сильно затянул...

И что это вообще такое?

Неужели престол Великой Ци до такой степени ненужен братишкам?

Наследная принцесса с малых лет считала заботу о государстве и народе своим священным долгом. Несколько членов Кабинета министров были наставниками, а советники — исполненными высокого патриотического духа мужами.

Принцесса часто отправлялась с поручениями за пределы столицы, изъездила страну вдоль и поперёк, своими глазами видела страдания простого народа и пороки государственного управления. А потому престол Сына Неба воплощал в себе все высшие стремления и идеалы.

В книге «История Сун: Трактат о продовольствии и товарах» сказано: «Когда мир длится долго, население растёт из года в год. Списки войска полнятся, число чиновников примножается...»

Эти слова точно описывали текущее положение дел в Великой Ци.

<http://bllate.org/book/18379/1767229>